

Бери от жизни всё...

Наталья Антонова

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

Частный детектив Мирослава Волгина и её родная тётя, писательница Виктория Волгина, пили чай на открытой террасе. Несмотря на приблизившуюся вплотную осень, погода позволяла наслаждаться теплом. Поодаль с чашкой чая в руках и с котом, развалившимся на его коленях, сидел помощник детектива Морис Миндаугас. Он прислушивался к разговору двух женщин, но не вмешивался в него.

— Ты знаешь, о чём я думаю? — спросила Виктория племянницу.

— О чём, тётя?

— О том, что правительство и все власти и в хорошие, и в плохие времена часто говорят о газовой промышленности, автомобилях, самолётах, сельском хозяйстве, но никто и никогда не говорит о книгах. О книжном бизнесе! Или мне это только показалось?

— Увы, тётя!

— Вот, — вздохнула Виктория, — а ведь книга это духовный хлеб! Если у человека не будет

хлеба насущного, умрёт его тело, а если у него не будет книги, начнёт умирать душа. И это при том, что всем известно, что тело тленно, а душа бессмертна! Выходит, что её погибель невозможна! И только книга даёт душе возможность осознать себя, развиваться и оставаться бессмертной.

— Я согласна с тобой, тётя, — тихо ответила Мирослава.

— Но я не знаю, как достучаться до нашего правительства, дозвониться до президента на прямую линию шансы один на миллион. А ведь если бы было больше хороших добрых книг, вам с Морисом и Шурой не пришлось бы так часто охотиться за преступниками и раскрывать убийства.

— Тётя, — попыталась пошутить Мирослава, — у меня предложение. Давай растянем транспарант и с ним пойдём пешком через всю Россию в Москву.

— Что же ты предлагаешь написать на транспаранте?

— Спасите наши души!

— Пожалуй, — вздохнула Виктория, — больше ничего и не остаётся. Может, они услышат и поймут, что, спасая мир книг, они спасают человечество.

— Очень хочется надеяться на это, — ответила Мирослава.

Книга, лежащая на столе, тихо вздохнула. Хотя, может быть, это просто ветер коснулся её страниц.

Но тем не менее все отчётливо расслышали слова, прошепестевшие в воздухе: «Спасите наши души!»

Ветер тотчас подхватил их и унёс. Может быть, они долетят до ушей тех, «кто наверху». Они помогут книжному бизнесу, и книга станет доступна простому человеку так же, как хлеб. Духовное, соединяясь с телесным, породит гармонию. И люди станут счастливее и добрее. Если красоте и дано спасти мир, то эта красота заложена в книге.

Глава 1

Высоко в небе светило беззаботное солнце. Было так тепло и уютно, что прохожие замедляли шаг, выпадая на время из суетного мира своих будничных дел и забот, на их лицах разглаживались морщинки озабоченности, а в уголках губ появлялась беспричинная улыбка.

Такое состояние у людей обычно бывает в начале весны, когда сходит снег и из земли пробиваются хрупкие ростки первых цветов. И в самом конце лета, когда все понимают, что совсем скоро с деревьев слетят ставшие золотыми и багряными листья, а потом налетят белые вьюги. Понимать-то все понимают, но верить не хотят. Это сродни вере в личное бессмертие. Всем известно, что жизнь конечна, но никто или почти никто не верит, что это правило актуально и для него.

Индейцы майя вообще считали, что человечество живёт в иллюзорном мире и не может видеть мир таким, каков он есть. Вот и пи-

сатель Эдгар По много позднее говорил нечто подобное: «Всё, что мы видим, и то, как мы выглядим, — не что иное, как сон во сне». А некоторые современные мыслители считают наш мир голограммой.

Однако чем бы он ни был, нам в нём жить энное количество лет, каждому из нас отпущенных судьбой.

Так что спустимся с небес на землю или бросим якорь в иллюзорном море, пытаясь отыскать твёрдое дно, и попробуем наслаждаться жизнью, по мере возможности избегая бед и страданий.

И вот в этот чудесный день одна девушка, выйдя из супермаркета, заметила другую. Она даже не сразу сообразила, почему её взгляд зацепился за неё. А потом на лице проступило выражение узнавания, и она закричала:

— Мила! Милка!

Девушка, которую звали Милой, неуверенно оглянулась, её взгляд заскользил по толпе, пытаясь найти окликнувшую её. И вот она увидела, как какая-то девушка с сумками замахала ей рукой.

— Ой! Дашка! — вырвалось у Милы. И девушки устремились навстречу друг другу.

— Это ты, Милка! — проговорила слегка запыхавшаяся Даша. — Отлично выглядишь! А я сначала смотрю, ты не ты! Дай, думаю, окликну.

— Молодец, что окликнула, — Мила оценивающим взглядом скользила по лицу и фигуре подруги. «Расцвела, налилась, округлилась», — подумала она, с удовольствием отмечая, что её собственная фигура осталась такой же стройной, как была на выпускном вечере. Именно с той поры подруги и не виделись, несмотря на то что жили в одном мегаполисе.

— Как хорошо-то сегодня, — сказала Даша, — теплынь, — она вытащила платок и отёрла вспотевший лоб.

— Я смотрю, ты затарилась? — кивнула Мила на сумки в руках подруги.

— Ага, — Даша осмотрела свои сумки, — думаю, на неделю хватит. В будни особо по магазинам бегать некогда, — проговорила она, словно оправдываясь, — а сегодня у меня отгул.

На клумбах и газонах неистово благоухали цветы, словно торопились в отведённый им судьбой короткий отрезок времени залить всё вокруг своим ароматом.

— Знаешь, — сказала Мила, — мне кажется, что мы с тобой лет сто не видели друг друга.

— А разве столько живут? — рассмеялась Даша и опустила сумки на бордюр клумбы.

— Слушай, давай зайдём в кафе? — предложила Мила, и Даша тотчас согласилась.

Спустя десять минут они уже сидели в небольшом кафе и весело болтали, — как хорошо, что мы с тобой сегодня встретились. И погода

стоит отличная. Даже думать не хочется, что скоро настоящая осень сменит эту идиллию.

— Говорят, что в старину в это время гуляли свадьбы, — мечтательно проговорила Мила.

— Нет, вроде немного попозже... — засомневалась Даша и спросила: — У тебя есть парень? — Сама Даша выскочила замуж сразу после школы, и Мила знала об этом.

— Имеется, — улыбнулась Мила не слишком радостно.

— Давно встречаетесь?

— Больше года.

— И как он, тебе ещё не сделал предложения?

— Нет, не торопится, — Мила смешно наморщила нос. — Да если бы и сделал, я бы сто раз подумала, прежде чем согласиться.

— Чего так? — удивилась Даша.

— Так он гол как сокол.

— Так большинство девчонок выходят не за олигархов, — со знанием дела прокомментировала её сетование подруга.

— Это да. Но ведь он и работать ленится, паразит эдакий, — беззлобно выругалась Мила.

И Даша решила, что подруга влюблена. Она вспомнила, что Миле всегда нравились так называемые плохие мальчики — двоечники и разбитные хулиганы. Непонятно, отчего её к ним тянуло. Впрочем, это ведь беда не только Милы. Поэтому она осторожно спросила:

— А чего же ты с ним связалась?

Мила потеряла в руках кончик салфетки, расстеленной на столе, и, подавив вздох, ответила:

— Знаешь, каким он соловьём разливался, когда мы с ним познакомились, говорил, что у него мамаша деньги лопатой гребёт.

— И чё, наврал?

— Не совсем, — на этот раз не стала сдерживать вздоха сожаления Мила. — Только она и не мамаша ему вовсе. Вернее, не родная. Да и вышибла она его из дома под зад коленом.

— А деньги небось его папаша заработал.

— Если бы. Она сама богатенькая была.

— А отец его?

— В бегах.

— Судимый, что ли?

— Нет, просто беглый. Подкинул сынка второй жене и сбежал.

— Ни фиги себе.

— Вот я и кукую с этим горем луковым, — в который раз вздохнула Мила.

— Так подбей его, чтобы он с матерью этой помирился. Какая-никакая, а мать, тем более если она вырастила его.

— Подбиваю. Да всё никак не выходит. А ты как устроилась? — Миле надоело обсуждать собственные проблемы, и она решила перевести стрелки с себя на подругу.

— В общем-то неплохо. Мы с Серёгой ипотеку взяли. От свекрови съехали, и я вздохнула

облегчённо. Санька наш ходить начал и даже говорит три слова.

— Какие же?

— Киса, ба и бяка.

Подруги расхохотались.

Расставшись с Дашей, Мила отправилась домой. По дороге она думала, что, по всему видно, Даша с мужем не шикуют, но и не бедствуют. Дашка довольна своей жизнью, да что там довольна, с завистью подумала Мила, она так и светится от счастья. Да и чего ей не светиться? Мужа и сына она любит и уверена в завтрашнем дне. Муж не лодырь, медленно, но верно продвигается по служебной лестнице. А когда выплатят ипотеку, то вообще заживут припеваючи. А она, Милка, так и будет сидеть у разбитого корыта.

При подходе к дому девушка уже точно решила, что надо что-то менять. Вариантов было, по её мнению, два — заставить Аркадия помириться с приёмной матерью или последовать её примеру и выставить Аркашу за дверь, пока ещё не поздно. «Время-то летит быстро, — думала Мила, — не успеешь оглянуться, и ты уже седая, в морщинах и со вставной челюстью».

Входную дверь она открыла, находясь не в радужном настроении, и сразу закричала:

— Аркадий, ты дома?

Ответом ей была тишина.

Мила прошла на кухню, выложила на стол продукты, часть распределила на полках холо-

дильника, курицу засунула в камеру. А чай, печенье и рулет положила в висящий над столом шкаф. После чего она отправилась в комнату. Так и есть! Аркадий спал, укрывшись с головой пледом. На журнальном столике стояла пустая бутылка из-под пива и валялась скомканная упаковка чипсов.

Мила потянула за край пледа.

— Вставай, соня! Сколько можно дрыхнуть!

Аркадий открыл глаза, поморгал с полминуты, потянулся и спросил:

— Где ты пропадала столько времени?

— В магазин ходила.

— Целый день?

— Ещё и часу дня нет.

— Ага! — обрадовался Аркадий и вскочил с дивана. — Значит, скоро обед. То-то, чувствую, у меня живот с голоду сводить начало.

— Я ещё не готовила, — сказала Мила, а про себя подумала: «И не собиралась».

— Да ты что?! — возмутился он.

— Сейчас быстро отварю макароны, и там у нас тушёные крылышки ещё остались, — проговорила она без особого энтузиазма.

— Опять макароны? А эти твои крылышки надо собакам бездомным выбросить. Там же абсолютно нечего есть!

— А ты устройся на работу, тогда я мясо на рынке покупать буду, — парировала Мила.

— Так мне же мать деньги на карточку кладёт. Чего тебе ещё надо?

— Она переводит тебе сущие гроши!

— Сколько переводит, столько и переводит! — отрезал Аркадий, не думая сообщать своей подруге, что гроши отдаёт ей он, оставляя большую часть денег, переведённых матерью, себе.

— Вот на эту сумму я тебя и кормлю, — сердито проговорила Мила.

— Ну, знаешь, — возмутился он и не нашёл подходящих слов.

— А если бы ты подъехал к ней... — Мила решила, что настал подходящий момент для того, чтобы вложить в голову Аркадия мысль о необходимости примирения с матерью.

— На хромой кобыле, — хмыкнул Аркадий.

— Я имею в виду по-человечески, с уважением, то и у неё к тебе другое было бы отношение.

— Отстань, Милка!

— Не отстану! Ты должен вернуть расположение матери, пока не поздно!

— Вот скончается старушка скоропостижно, — он расхохотался над своей шуткой, — и мне наследство свалится.

— Свалится, как же! Как вороне сыр!

— Зараза ты, — беззлобно выругался он, — умеешь человеку настроение испортить. Кстати, ты что же, столько времени в магазине была? — Взгляд Аркадия стал подозрительным.

— Нет. Подругу встретила, — призналась она неохотно.

— И вы столько времени сплетничали?

— Мы не сплетничали. Просто посидели в кафе. У Даши всё нормально, семья, муж, ребёнок.

— Памперсы, кастрюльки, куча грязного белья, — насмешливо проговорил Аркадий.

— У меня только памперсов нет, — рассердилась Мила, — зато горы грязной посуды в наличии. Ты даже тарелку за собой не вымоешь!

— А зачем? У меня баба есть, то есть ты. Мыть посуду — бабское дело.

— Как ты мне надоел!

— Могу съехать, — почёсывая под мышками, равнодушно проговорил Аркадий, — на мой век баб хватит.

Мила замолчала и закрылась на кухне.

Прошла неделя. Погода продолжала баловать горожан. А может быть, просто усыпляла их бдительность...

Михаил Муромцев сидел под зелёным зонтиком уличного кафе со своей девушкой Вероникой Бубенцовой. Молодые люди с удовольствием ели мороженое из небьющихся округлых вазочек. Мороженое было фирменным, с орехами и мармеладом. Вероника его просто обожала. А Михаил ел его с ней за компанию.

— Завтра во сколько увидимся? — спросила Вероника, с сожалением соскребая со дна вазочки остатки мороженого.

— Я завтра, Бубенчик, не могу, — ответил Муромцев.

— Ну почему, Миш?!

— Потому что мне обязательно надо завтра к тётё Ире забежать.

— Ты же сказал, что ей стало лучше и она сама со всем справляется.

— Так-то оно так, но всё равно присмотр нужен. Не забывай, что у неё никого, кроме меня, нет.

— Ты же говорил, что есть приёмный сын?

— Номинально есть, — не стал спорить Михаил, — но тётя Ира ему абсолютно не нужна.

— Ага, — ехидно проговорила Вероника, — а если с твоей тётёй Ирой что-то случится, то он первым прибежит. Ты сам говорил, что она дама обеспеченная.

— Бубенчик, — строго проговорил Муромцев, — не наше с тобой дело чужие деньги считать.

— Ладно, не злись, — вздохнула Вероника, — я пошутила.

— Я так и понял, — покладисто отозвался Муромцев.

— Тогда возьми меня с собой.

Михаил задумчиво поглядел на девушку и покачал головой.

— Но почему? — возмутилась она. — Узнакомишь меня со своей тётёй Ирой.

— Она мне не тётя.

— Всё равно! — Вероника притопнула маленькой ножкой.

— Рано ещё, Бубенчик.

— А когда же будет в самый раз?

— Я сначала расскажу тёте Ире о тебе. Подготовлю, так сказать, почву. А потом уже пойдём к ней вместе.

— Вечно ты, Мишка, осторожничаешь, — сердито отмахнулась от него девушка.

— Так я же хочу как лучше, — начал оправдываться он.

— А ты знаешь, Мишка, что благими намерениями выслан путь в ад.

— Типун тебе на язык! — почему-то испугался он.

— Так это не я придумала, — пожала плечами Вероника и велела: — Ладно, проводи меня домой. А то уже поздно.

— Пошли. — Он обнял её за плечи, и они зашагали в сторону её дома.

Глава 2

За окном шёл холодный дождь. Тёплое бабье лето сменилось неожиданным похолоданием.

Хороший хозяин в такую погоду собаку на улицу не выгонит, говорят в народе. Вот и следователю Александру Романовичу Наполеонову, который для друзей был Шурой, не хоте-

лось покидать тёплую дежурную часть отделения. Впрочем, не ему одному, всем дежурившим в эту ночь сотрудникам.

Эксперт Афанасий Гаврилович Незовибатько кемарил, и виделась ему его жена Оксана. Вот она вплыла в гостиную и поставила на стол большую тарелку с варениками и сметану.

Оксана у него удивительная, и умная и красивая, и хозяйственная. И не пилит никогда ни из-за денег, ни из-за того, что на работе муж пропадает и днём и ночью. Многие коллеги ему откровенно завидовали, говоря по поводу и без повода, везёт же некоторым. Незовибатько и сам был уверен, что ему повезло с женой. Да и с тещей тоже. Не мог он пожаловаться и на тестя. А дети это вообще святое.

Афанасий Гаврилович сладко вздохнул и открыл глаза.

Судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов, который почти всегда читал специальную литературу, закрыл книгу и обвёл взглядом окружающих.

А старший лейтенант Любава Залеская читала очередной детектив.

«Мало ей в жизни криминала», — думал Наполеонов, глядя на строгое девичье лицо с милыми ямочками на щеках.

У Любавы было два любимых героя — Пуаро и начальник отдела убийств Василиса Никитична Воеводина, которая была не так уж

намного старше Любавы, но успела побывать в двух горячих точках.

Фотограф Валерьян Легкоступов смотрел вроде бы на дверь, но Наполеонов точно знал, что Валерьян был погружён в свои мысли и думал он, скорее всего, о фотографиях, которые были для него и работой, и хобби.

В этом высоком красивом парне было что-то от сказочного витязя. Его глаза сейчас напоминали серые прибрежные камни, омытые речной волной.

Глядя на Легкоступова, Шуре порой хотелось воскликнуть: «Да ладно, таких в реальности не бывает!»

Однако он был. Шура вздохнул и перевёл глаза на следующего сотрудника.

Оперативник Аветик Григорян, самый молодой из группы, старательно разгадывал очередной кроссворд.

А судмедэксперт Зуфар Раисович Илинханов не уставал над ним по-доброму подшучивать, вот и сейчас он обратился к Григоряну:

— Аветик, не иначе как ты собрался «Поле чудес» покорять.

Григорян молча отмахивался — не мешай, мол.

— Ну ты хоть привет от меня Якубовичу передашь? — не отставал Зуфар.

— Передам, передам, лучше скажи слово: русская народная обувь — шесть букв.

— Лапоть, — вклинился в их разговор Славин.

— Сам ты лапоть! Ой! Спасибо! Подходит!

Аветик только собрался загрузить Илинханова очередным вопросом, как раздался звонок на пульт оперативного дежурного.

Следователь Наполеонов снял трубку.

— Полиция?! Пожалуйста, скорее приезжайте, — прокричал молодой срывающийся мужской голос. — Убита женщина, — он всхлипнул и назвал адрес.

— Убийство, — произнёс Наполеонов, — едем.

Все молча поднялись, и через несколько минут полицейский автомобиль с включённой мигалкой нёсся по залитым дождём улицам.

Серый особняк монолитной глыбой выплыл из темноты. Ворота были открыты. В нескольких окнах горел свет. Едва автомобиль остановился, как с крыльца сбежал человек. Свет от фонаря упал на его лицо, и первое, что бросилось в глаза следователю, были огромные, в пол-лица, перепуганные голубые глаза парня, они буквально сияли на белом, как лист бумаги, лице. Чувствовалось, что он изо всех сил старается не заплакать.

Полицейские выбрались из машины.

— Наполеонов Александр Романович, следователь, — представился Наполеонов.

— Миша, простите, Муромцев Михаил Иванович.

— Где погибшая?

— Там, — парень махнул рукой в сторону дома, — в ванной.

Группа поднялась в дом. В ванной, в воде, слегка окрашенной кровью, лежала женщина средних лет. Её лицо было удивительно спокойным. Казалось, она не жалела о случившемся и уже была не здесь, а там, куда большинство хотело бы попасть как можно позднее.

Следователь отвёл глаза, несмотря на свою молодость, он успел повидать много ушедших из этого мира не по своей воле, но так и не смог смириться с убийствами.

Картина увиденного показалась ему странной. Про себя он назвал её нарочитой. Но что именно было не так, он пока не понял. Предоставив экспертам и фотографу заниматься своим делом, Наполеонов увёл парня в комнату, это оказалась гостиная, заставленная тяжёлой мебелью.

— Антиквариат, — подумал следователь.

Угадав его мысли, Михаил произнёс:

— Тётя Ира любила старинную мебель.

— Погибшая доводится вам тёткой? — спросил Наполеонов, усаживаясь за стол и начиная писать шапку протокола.

— Не совсем, — тихо ответил парень.

— Что значит не совсем? — удивился следователь, пристально вглядываясь в лицо Муромцева.

— Тётя Ира была подругой моей матери. Они дружили со школы, и я знал её всегда, ну то есть с тех пор, как меня принесли из роддома.

— Понятно. Документы у погибшей имеются?

— Да, конечно, — Михаил встал, открыл один из ящичков и положил перед следователем паспорт.

— Вы здесь так хорошо ориентируетесь? — спросил Наполеонов как бы мимоходом.

— Да. Тётя Ира долго болела, лежала, я ухаживал за ней.

— А что с ней было?

— Её сбил пьяный водитель и уехал.

— Его нашли?

— Не думаю, чтобы хорошо искали, — обронил Михаил.

— Понятно. — Наполеонов раскрыл паспорт и прочитал вслух: — Селиванова Ирина Максимовна. 19... года рождения.

Следователь быстро посчитал, что погибшей было всего 49 лет.

— А почему ухаживали вы? — спросил он Муромцева.

— Так получилось...

— У Ирины Максимовны есть родственники?

— Только сын, вернее пасынок.
— Почему не он?
— Они... не знаю, как сказать... — замялся Муромцев.

— Скажите как есть.
— Ну, они не ладили, и тётя Ира не хотела, чтобы он был рядом.

— Его имя, фамилия, телефон, адрес.
— Аркадий Павлович Селиванов, адрес и телефон сейчас посмотрю в тётя-Ириной записной книжке.

Он снова открыл ящик, пошарил и достал оттуда не книжку, а целую тетрадь, весьма потрепанную.

Михаил открыл её на нужной странице и протянул следователю:

— Вот.
— Ирина Максимовна была вдовой?
— Нет, с мужем, отцом Аркадия, они давно развелись. Больше тётя Ира замуж не выходила.

— А Аркадий рос не с отцом?
— Нет, он его тётя Ире оставил.

«Хорош подарок», — подумал Наполеонов. А вслух спросил:

— А ваша мама часто навещала подругу?
Михаил быстро замотал головой.

— Почему?
— Мамы нет уже 5 лет.
— Простите...
— Ничего.

В дверь заглянул судмедэксперт.

— Ну, — спросил Наполеонов.

— Она умерла примерно час назад, остальное после вскрытия, — сказал Зуфар Раисович.

— Это не могло быть самоубийством? — спросил следователь.

Судмедэксперт пожал плечами.

— После вскрытия, — и нехотя добавил: — На руках вскрыты вены.

Наполеонов кивнул.

— Тётя Ира не могла сама, — уверенно сказал Михаил, — она как раз начала выздоравливать.

— Миша, а где вы работаете? — неожиданно спросил следователь.

— Я учусь.

— Где?

— На пятом курсе медицинского.

— Понятно...

— До того как с тётей Ирой случилось несчастье, я подрабатывал, дежурил санитаром в больнице. А потом уволился и всё время был с ней.

— А сегодня?

— Тётя Ира стала ходить и вообще со многим справлялась сама, поэтому вот уже две недели как я стал жить дома, а её навещать.

— Почему же сегодня вы так поздно оказались в этом доме?

— Тётя Ира позвонила мне и попросила приехать, а я...

— А вы?

Муромцев закусил губу, ругая себя на чём свет стоит.

— Я, я был с девушкой... В общем, пока проводил её, приехал и вот, — Михаил махнул рукой и отвернулся. Его плечи судорожно вздрогнули.

«Если бы я не встречался сегодня с Вероникой, а, как и хотел вчера, сразу поехал к тётке Ире, то ничего бы этого не было. Это я во всём виноват», — думал Муромцев.

Словно издалека к нему пробился голос следователя:

— На чём вы добирались сюда?

— Я остановил частника, — машинально ответил Михаил.

— Вы помните, во сколько это было?

— Точно не помню, я не смотрел на часы.

Помню только, что торопился.

— Номера машины, вы, конечно, не помните?

— Не помню, — грустно подтвердил предположения следователя Михаил.

— А марку машины?

— Тёмная «девятка».

— Водителя описать можете?

— Могу, но зачем?

— Опишите.

— Лысоватый мужчина, лет 55 или немного старше. Очень весёлый и всю дорогу рта не закрывал.

— О чём вы говорили?

— Я молчал, так как нервничал, а он анекдоты про тёщу рассказывал и пытался подражать голосу Винокура.

— Какие-то особые приметы?

— Нет, особых примет не запомнил...

— Жаль.

— Хотя! У него на правой руке было кольцо, такое здоровое, и на нём морда козла.

— Кого?!

— Козла.

— Интересно...

— А ещё он сказал, что нам по пути.

— То есть?

Михаил пожал плечами

— Не знаю, что это значит, я тогда не придавал этому значения и вспомнил только сейчас, потому что вы спросили...

— А с сыном Ирины Максимовны вы часто встречались?

— С Аркашей?

— У неё ещё был один сын?

— Нет, простите. С Аркашей мы как бы вместе росли, учились в одной школе, он на два класса старше, наши мамы постоянно вместе отдыхали, ну и мы при них. А потом лет в 16 уже

как-то каждому из нас хотелось быть со своими друзьями, ну вы понимаете?

— Вполне.

— В 17 лет Аркаша связался с какой-то дурной компанией, тётя Ира сильно переживала. Потом она надеялась, что он поступит в институт, но ему не хотелось учиться.

— И чем же он занялся?

— Тётя Ира всё-таки уговорила его, и деньги за учёбу заплатила. Он проучился пару лет в университете, а потом его отчислили. Работать он тоже не захотел...

— На что же он живёт?

— Тётя Ира давала ему деньги. Ругалась, плакала, но давала.

— Сколько лет было Аркадию, когда отец ушёл из семьи?

— Не помню, маленький он был ещё.

— Ирина Максимовна не пыталась вернуть его отцу?

— Нет, ей жалко было Аркашу. Она считала, что с отцом он пропадёт, покатится по наклонной плоскости.

— Насколько я понимаю, он и с ней покатился?

— Ну не совсем. Просто Аркаша ленивый, привык к лёгкой жизни.

— А Ирина Максимовна не говорила вам, что ей надоело содержать пасынка и она больше не даст ему денег?

— Нет, мне она ничего такого не говорила.
— Они ссорились когда-нибудь?
— Постоянно.
— В вашем присутствии?
— Нет, тётя Ира жаловалась, сначала маме, когда она была жива, потом мне. При мне ругались только по телефону, но я сразу же выходил из комнаты.

— Вы не знаете, кому достанется этот дом и всё остальное?

Миша пожал плечами.

— Аркадию, наверное, кому же ещё.

— Ирина Максимовна составляла завещание?

— Понятия не имею, мы никогда не говорили на эту тему.

— А откуда вообще такой дом и всё остальное? — Наполеонов обвёл глазами дорожную мебель.

— Отец тётя Иры основал свой бизнес. Начиная с кооперативов, потом открыл свой обувной магазин, постепенно появился ещё один и ещё. Когда Максима Егоровича не стало, тётя Ира сама занялась магазинами, но потом часть бизнеса продала, оставив один магазин себе.

— А кому именно она продала остальные магазины?

— Братьям Артамоновым.

— Они не пытались уговорить Ирину Максимовну продать и оставшийся магазин?

— Насколько мне известно, не пытались.

— Скажите, Михаил, а вам Ирина Максимова, — следователь сделал паузу, подбирая слова, — скажем так, не помогала материально?

Парень покраснел до корней волос и замотал головой.

— Нет, вернее, она предлагала, но я отказался.

— Почему?

— Я же не инвалид, руки, ноги, голова целы.

— Но студенту жить нелегко.

— Многим нелегко. Так что теперь, паразитом становиться? — Глаза парня сердито засверкали.

— Почему сразу паразитом. Разве это плохо, когда кто-то близкий помогает встать на ноги?

— Не знаю. Но я сам о себе позабочусь. Впрочем, пока я жил с тётёй Ирой, питался её продуктами.

— Она платила вам за уход?

— Да вы за кого меня принимаете?! Она мне как родная тётя! Какие деньги! — возмутился парень.

— Но она говорила вам об оплате.

— Один раз заикнулась, — нехотя признал Муромцев.

— А вы?

— Что я?! — выпустил он иголки. — Я спросил, если бы моя мама заболела, она стала бы

брать с неё деньги. Тётя Ира всё поняла, и больше у нас об этом разговора не было.

— Когда вы сегодня сюда приехали, то не вызвали «Скорую». Почему?

— Вы забываете, я учусь в медицинском и сразу понял, что нужна только полиция.

— И всё же?

— Вы что, подозреваете меня? — искренне удивился Михаил.

— У меня работа такая, положено всех подзревать.

— Да, наверное...

— А вы сами кого-то подозреваете?

— Я?! Нет...

— Аркадий мог убить мачеху?

— Не думаю. И она ему не совсем мачеха...

— То есть? Вы же сами только что говорили.

— Наверное, вы меня не совсем правильно поняли или я неточно выразился.

— Так выразитесь точно.

— Тётя Ира усыновила Аркадия.

— То есть стала его приёмной матерью.

— Выходит, так.

— А как у неё было с личной жизнью?

— У кого? — вытаращил глаза Муромцев.

— У покойной.

— Я не понимаю, что вы имеете в виду, — промямлил парень.

— У Ирины Максимовны был близкий друг?

— Я её друг.

— Я имею в виду...

— Ах, любовник, что ли? — дошло до Муромцева. — Нет, не было. Она говорила, что после развода с Аркашкиным отцом видеть никого из мужчин не может.

— А друзья, подруги?

— Какие-то знакомые у неё были, но близких я не знаю. Если только тётя Света.

— Кто это?

— По-моему тётя Ира с ней на курорте в Турции познакомилась лет пять назад, и они иногда встречались, перезванивались.

— Как зовут эту подругу полностью?

— Не знаю. Тётя Ира её Светой звала.

— Угу.

— Но её телефон наверняка есть в тётя-Ириной книге и, скорее всего, именно под именем «Света».

— Посмотрим, — Наполеонову не хотелось думать о том, что Свет там может быть не один десяток.

Он придвинул к Муромцеву протокол допроса, попросил прочитать и расписаться.

Михаил молча выполнил его просьбу. На фразу следователя о том, что им, скорее всего, придётся встретиться ещё не один раз, парень ответил, что готов ходить в отделение полиции хоть два раза в день, лишь бы был толк и убийца был пойман. Наполеонов не стал говорить,

что, возможно, Селиванова сама свела счёты с жизнью.

Незовибатько сообщил, что отпечатки пальцев имеются практически повсюду, но, скорее всего, большая часть их принадлежит хозяйке и Муромцеву. Более исчерпывающий ответ будет позже.

После того как приехали санитары и увезли тело, группа опечатала дверь и уехала. А Михаил Муромцев ещё долго стоял на пронизывающем ветру в оцепенении и очнулся только тогда, когда снова полил дождь. Он тяжело вздохнул и пошёл на остановку сначала медленно, потом быстрее и наконец почти бегом. Несмотря на это, он всё равно промок почти насквозь, хорошо, что автобус пришёл сразу и ему не пришлось мёрзнуть на остановке.

Глава 3

«Осень всё-таки пришла», — сердито подумал следователь, когда и на следующий день продолжил лить дождь.

Перед его мысленным взором невольно нарисовалась гостиная в коттедже его подруги детства Мирославы Волгиной. В гостиной был чудесный камин под старину. При похолодании в нём зажигали огонь. И как же хорошо было лежать перед этим камином на толстом

ковре и смотреть на танец огня за узорной решёткой.

«Вот бы оказаться сейчас там», — мечтательно подумал Наполеонов. Он даже глаза закрыл, предвкушая удовольствие. Ноздри его непроизвольно расширились, как бы вдыхая аромат потрескивающих поленьев. Но он тотчас замотал головой, прогоняя прочь завораживающее видение. Удовольствие придётся отложить на неопределённое время. В этот дождливый день ему светило не лежание на ковре перед камином, а напряжённая работа в казённом кабинете, в окна которого неизвестно ещё сколько времени будет стучаться противный холодный дождь.

Усевшись за свой рабочий стол, Наполеонов решил ознакомиться с записной книжкой Селивановой Ирины Максимовны. Наполеонов был удивлён тем, что общалась она только по городскому телефону, сотового у неё не было. Это подтвердил и Муромцев.

Книжка была потрёпанной, первая запись в ней относилась к началу девяностых годов прошлого века. Многие адреса и номера телефонов были зачёркнуты. Возле некоторых фамилий стояли новые координаты. В то же время многие адресаты, по всей вероятности, выпали из жизни Селивановой, так как были просто перечёркнуты. Пролистав книжку до конца, следователь вздохнул.

«С одной стороны, хорошо, что новых абонентов в последние годы появилось не так уж много, — думал следователь, — с другой стороны, как-то странно, что молодая ещё женщина столь заметно сократила круг общения. Хотя объяснение для этого может быть найдено совсем простое — Селиванова после продажи основной части своего бизнеса перестала общаться с поставщиками, рекламщиками, сотрудниками, отошедшими Артамоновым и прочим деловым людом».

Следователь выписал телефоны и имеющиеся адреса всех женщин по имени Света и Светлана. К счастью, их оказалось всего пятеро. К тому же Наполеонов мысленно поблагодарил покойную за пунктуальность. Возле каждой Светы стояла дата её появления в жизни хозяйки записной книжки. Звонить пока по ним он не стал.

Заинтересовал его телефон некой Дарины Лавренковой, потому что рядом с телефоном была приписка, сделанная, по всей видимости, рукой самой хозяйки записной книжки — мой личный парикмахер.

Наполеонов не раз и не два слышал от подруг своей матери, что личный парикмахер это лучший психотерапевт.

Он даже как-то завёл об этом разговор с Мирославой, но та только хмыкнула в ответ. И он решил, что в этом вопросе она разбираться ни-

как не может, потому что ни разу не посещала парикмахера ради хорошей причёски или просто удовольствия. Хотя у неё и были длинные, густые волосы, она с ними не церемонилась, просто мыла и расчёсывала и каждый год в апреле укорачивала. Почему именно в апреле, для Наполеонова оставалось загадкой, разгадывать которую ему было неинтересно. Сначала волосы ей укорачивала кто-то из тётушек, потом этой миссии на несколько лет удостоился Шура. Но с появлением в её коттедже Мориса он оказался не у дел: его друг Миндаугас оттеснил его и взял ножницы в свои руки.

«И пожалуйста, — вздохнул Наполеонов, — очень мне хотелось стричь всяких там Мирослав». Ясное дело, что Наполеонов пытался лукавить даже перед самим собой. Потому что Мирослава была у него одна, и ему было немного обидно. Но Волгина объяснила это просто — ты же не живёшь в моём доме, твоего появления нужно ждать, а Морис всегда под рукой. Наполеонов был согласен с её доводами, но всё же, всё же...

«Итак, с Дариной Лавренковой нужно поговорить чуть ли не в первую очередь», — поместил у себя следователь. Ломал он голову и над тем, как ему проверить алиби Михаила Муромцева. Где искать мужчину, подвозившего его в день убийства Селивановой. Примета в виде кольца с мордой козла была проблематичной.

Можно было предположить, что владелец этого неординарного кольца живёт где-то недалеко от дома Селивановой, ведь не зря же он сказал Муромцеву, что им по пути. Хотя ехать он мог не к себе домой, а, например, к другу или к теще.

— Ищи ветра в поле, — пробормотал Наполеонов, хотя и знал, что искать всё равно придётся. Однако это не к спеху. У Муромцева не было мотива для убийства Селивановой. «Зато он имелся у пасынка, — подумал следователь и мысленно поправил себя: — У приёмного сына».

Телефон и адрес Аркадия Павловича Селиванова нашлись в записной книжке его приёмной матери.

«Ага, — констатировал следователь, — Аркадий всё-таки сообщил матери адрес своего фактического проживания. Из чего можно предположить, что их взаимоотношения были не так плохи, как считает Муромцев.

Выписав адрес и телефон, Наполеонов решил отложить вызов приёмного сына на следующий день, во-первых, потому что ему было необходимо завершить одно из срочных дел и передать его в суд. А во-вторых, он хотел подумать над имеющимися фактами и получить заключение от судмедэксперта, не было ли это самоубийством. Он вспомнил увиденную в ванной картину и опять подумал о том, что ему что-то в ней кажется странным. Он окинул

взглядом свой стол в поисках фотографий, сделанных на месте преступления Легкоступовым, и вспомнил, что их ему до сих пор не передали. Следователь нажал вызов секретаря и проговорил сердито:

— Элла, а где фотографии с места убийства Селивановой?

— Только что звонил Валерьян и сказал, что принесёт их сию минуту.

Не успел Наполеонов возмутиться, как в кабинет без стука влетел запыхавшийся Легкоступов.

— Прошу прощения! — выдохнул он. — Не успел я заняться фотографиями Селивановой, как меня выдернули на другое дело и сказали срочно обработать снимки.

— И ты рад стараться? — насмешливо спросил Наполеонов.

— Там действительно было срочное дело, — сухо ответил Валериан, положил на стол следователя кучу фотографий и, пробормотав: — Как я понимаю, я сам здесь не нужен, — направился к двери.

— Художник, — пробормотал ему вслед Наполеонов и стал раскладывать снимки на столе.

Здесь было на что посмотреть, и следователь выругался сквозь зубы. Он не понимал, зачем нужно было крупным планом снимать розовую плитку в ванной с изображением купающихся наяд. От одного этого вида Наполеонова на-

чало мутить. Но тут он обратил внимание, что светло-розовая плитка над ванной и вода в ванне почти совпадают по цвету.

— Вот! — сказал он вслух. Следовательно понял, что подозрительным ему с самого начала показался именно цвет воды. Почему так мало крови, если Селиванова перерезала вены.

Продолжая рассматривать фотографии, Наполеонов больше не ругал фотографа. Ведь если бы не его художественно снятая плитка светло-розового цвета с этими противными морскими девами, он мог бы ещё несколько дней ломать голову над каким-то трудно уловимым несоответствием на месте смерти женщины.

Следователь снял трубку и стал названивать судмедэксперту. Сначала трубку никто не брал. Но потом Илинханов соизволил отозваться лично.

— Кому так не терпится? — спросил он.

— Мне! — завопил Наполеонов и обрушил на Илинханова весь запас имеющегося у него красноречия. Он догадывался о том, что Илинханов закатывает глаза и готовится прервать поток льющихся на него комплиментов и мольбы, но следователь не дал ему такой возможности.

И Наполеонову таки удалось уговорить судмедэксперта представить ему утром заключение — сама ли гражданка Селиванова свела счёты с жизнью или ей кто-то помог.

Зуфар Раисович Илинханов что-то пробурчал себе под нос, потеревил свои густые чёрные усы и пообещал пойти следователю на встречу.

На радостях Наполеонов с головой ушёл в работу и не заметил, как пролетел хмурый день, который, по идее, должен был ползти со скоростью улитки, потерявшей панцирь.

Домой Шура пришёл пораньше, за окном всё так же моросил дождь, из гостиной доносились звуки рояля. Это музицировала его мама. Судя по тому, что в прихожей не было чужой обуви, верхней одежды и зонтов, она была одна.

Но, по-видимому, он ошибся, потому что вскоре до слуха Шуры донёсся тихий девичий голосок.

«Ага, — подумал он, — зонт и курточку сунула в мешочек, а на ноги надела бахилы...» Лично ему претили эти новшества. И в самом деле, что может быть уютнее мягких домашних тапочек, даже если они гостевые.

Правда, когда он однажды высказал эту мысль Мирославе, она пожала плечами и объяснила, что многие боятся с чужих тапочек подцепить какую-либо инфекцию.

Но всё же большая часть учеников и учениц его матери либо надевали гостевые тапочки,

либо проходили в носках и колготках. А одна девушка всегда приносила такие красивые вязанные носочки, что Шура не мог оторвать глаз от её ног. Заметив это, Софья Марковна сделала сыну замечание:

— Шура, неприлично так рассматривать девичьи ноги.

А девушка в ответ рассмеялась:

— Софья Марковна, он не на ноги мои смотрит, а на носки.

И, обратившись к Шуре, спросила:

— Александр Романович, хотите, моя бабушка и вам такие свяжет?

Он, не подумав, ляпнул — хочу! А когда девушка принесла их, уже было поздно отказываться. Зато теперь он мог доставать из шкафа эти чудесные носки и любоваться ими. Носить такую красоту Шуре было жалко.

Наполеонов на цыпочках прошёл на кухню, достал из холодильника пакет с молоком и уже собирался разрезать пополам батон, как в дверях появилась моложавая высокая женщина с пышной причёской — Софья Марковна Наполеонова.

— Ты сегодня рано пришёл, Шурочка, — проговорила она ласково.

— Так получилось, мам.

— Ну вот и хорошо, я сейчас тебе разогрею суп и котлеты с картошкой.

— Мама, я сам, иди занимайся.

— Вижу я твоё «сам», — шутливо нахмурилась Софья Марковна и вскоре перед Шурой стояла вкусно пахнущая тарелка с куриным супом.

— Второе в духовке, сам возмёшь.

— Спасибо, ма, — проговорил Шура с набитым ртом.

Софья Марковна погладила сына как в детстве по рыжевато-русым волосам и ушла в гостиную, где её ждала одна из учениц.

* * *

Софья Марковна Наполеонова была когда-то известной пианисткой. Объездила почти весь мир. Потом преподавала. Теперь время от времени давала уроки музыки и консультировала на дому.

Шурочка был у неё поздним ребёнком. Сначала было некогда обзаводиться семьёй. С возрастом появились новые проблемы. Но в конце концов Софья Марковна всё-таки остановила свой выбор на молодом талантливом учёном. Родился Шурочка, к великой радости обоих.

Увы, семейное счастье длилось недолго. Супруг Софьи Марковны вылетел на симпозиум в Японию. Самолёт до Токио не долетел.

Замуж Софья Марковна больше не пошла. Всю оставшуюся любовь она отдала сыну. Конечно, она надеялась, что Шурочка станет великим музыкантом... или, на крайний случай, займётся наукой. Но увы! Шурочка выбрал юридический и стал следователем.

Первое время Софья Марковна безумно страдала от выбора сына, но виду не показывала. А потом ничего, привыкла и смирилась с нелёгкой профессией единственного сына. И когда старинные подруги Софьи Марковны иногда сочувственно вздыхали:

— Софи, зачем ты позволила мальчику выбрать такую опасную профессию?..

Софья Марковна отвечала:

— Во-первых, Шурочка уже давно не мальчик, а взрослый мужчина, а во-вторых, — горько напоминала она, — наука не представляется опасной профессией, однако мой супруг...

— Да, да, Софочка, ты права, — торопились согласиться подруги.

Больше её волновало другое — то, что Шурочка всё ещё не женат и даже не собирается. Она пробовала знакомить его со своими ученицами. Сын был галантным кавалером. Особенно охотно он соглашался проводить девушку домой, чтобы едва за ней закроется дверь облегчённо забыть о её существовании.

* * *

Спустя два часа Софья Марковна заглянула в комнату сына.

— Шура, тебе Мирослава звонила.

— А чего сразу не сказала?!

— Хотела, чтобы ты по-человечески поел и хоть немного отдохнул.

— Ма! Ну вдруг что-то срочное?!

— Было бы срочное, она позвонила бы не на домашний, а тебе на сотовый.

В общем-то мать была права, но Шура всё равно сделал вид, что сердится...

Софья Марковна, прекрасно знавшая своего сына, только фыркнула и ушла на кухню.

А Шура сразу же позвонил Мирославе. Её сотовый не отзывался, и Наполеонов набрал номер агентства.

— Детективное агентство «Мирослава» слушает, — прозвучал в трубке приятный голос Мориса Миндаугаса.

— Морис, привет! Мне Слава звонила. Где она там?

— По-моему, пошла в гостиную.

— У вас там небось камин горит? — с плохо скрываемой завистью проговорил Наполеонов.

— Нет, пока ещё не разжигали.

У Шуры вырвался вздох облегчения, но всё-таки он не смог удержаться, чтобы не попенять другу:

- А чего вы ждёте?
- Не чего, а кого, — ответил Морис, и Наполеонов догадался, что он улыбается. — Позвать Мирославу? — спросил Миндаугас.
- А ты не знаешь, чего она мне звонила?
- Сказала, что просто соскучилась.
- Так и сказала? — не поверил Шура.
- Так и сказала, — подтвердил Морис.
- Ага, тогда не зови, просто скажи, что я звонил.
- Так ты сегодня не приедешь?
- Нет, — хмыкнул Наполеонов в трубку, — я сегодня примерный сын и домашний мальчик. — Шура потянул носом, с кухни наплывал волшебный аромат булочек с корицей. — Пока, пока, — проговорил он в трубку и отключился.
- Ма, мы скоро чай пить будем?
- Скоро. А ты разве не помчишься к Мирославе?
- Сегодня нет.
- Ну вот и славно, в кои-то веки почаёвничаем вдвоём, — умиротворённо прозвучал голос Софьи Марковны.
- Можно подумать, мы с тобой не чаёвничаем, — проговорил Наполеонов, входя в кухню. Он прищурил свои желтовато-зелёные глаза и с улыбкой посмотрел на мать.
- Как ты похож на отца, — вздохнула она, расставляя на столе тарелки, вазочки и чашки.

Глава 4

В 6 утра раздался звонок сотового, Наполеонов нащупал телефон на столе, разлепил глаза и сонным голосом пробормотал:

— Слушаю.

— Всё ещё спим, капитан, — раздался насмешливый бодрый голос Илинханова.

Вместо того чтобы возмутиться, следовательно, уже окончательно проснувшись, ответил:

— Досыпаем, Зуфар Раисович, — и навострил уши, прекрасно понимая, что просто так уважаемый судмедэксперт названивать ему с утра пораньше не станет. И оказался прав.

— Знаете, капитан, наша потерпевшая сначала приняла лошадиную дозу снотворного, потом утонула...

— Как так утонула?! — не выдержал Наполеонов.

— Да, об этом говорит вода в её лёгких.

— А как же перерезанные вены?!

— По ним полоснули бритвой, когда она уже умерла. Поэтому и вода в ванной чуть розовая.

— Спасибо, Зуфар Раисович.

— Пожалуйста, отчёт предоставлю позже.

— Хорошо.

Наполеонов отключился и задумался: «Так вот в чём дело... Но убийца, должно быть, сумасшедший! Зачем сначала топить человека,

а потом резать ему вены. Или нетерпеливый наследник, желающий довести своё чёрное дело до конца? Нет, всё равно он псих! Если бы после снотворного женщина просто утонула, то у убийцы была возможность списать всё на самоубийство. А этот дилетант явно перестарался».

Наполеонов бегом бросился под душ, а потом на кухню, надеясь наскоро перекусить и улизнуть на работу, пока мать ещё сладко спит.

Но не тут-то было. Софья Марковна проснулась, видимо, услышав звонок сотового. Наполеонов мысленно хлопнул себя по лбу: «Вот балда! Опять забыл на ночь закрыть дверь своей комнаты». Но, скорее всего, Наполеонову разбудило материнское чутьё. И теперь она жарила сыну яичницу с ветчиной и помидорами. Аккуратно намазанные маслом тосты уже лежали на тарелке. Поверхность горячего кофе в чашке покрывала радужная пена.

В доме Мирославы Волгиной кофе не пили. Но дома Шура был не прочь выпить чашечку-другую. Для начала он зачерпнул из вазочки чайной ложкой клубничное варенье и быстро отправил его в рот.

Софья Марковна стояла спиной к сыну, но тут же сделала ему замечание:

- Шура, ты опять испортишь себе аппетит!
- Ма! Но как ты?

— Что «как ты»? — спросила она, оборачиваясь и лукаво улыбаясь.

— Как ты увидела, если стояла спиной? У тебя что, глаза на затылке или ещё в каком-то потаённом месте?

— У меня ушки на макушке! — сказала она и тихонько хлопнула сына полотенцем. — И я слышу, как ты звякаешь ложкой.

— Ма! Пожалуй, тебе пора всё-таки менять род трудовой деятельности, — проговорил он, сурово сдвинув брови.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась она.

— А то! Хватит тебе бренчать на пианино. Пора заниматься серьёзными делами! Вот поговорю с начальством и трудоустрою тебя к нам.

Она рассмеялась и погрозила ему пальцем. Потом спохватилась и быстро переложила поджарившуюся яичницу на две тарелки — ему побольше, себе чуть-чуть.

— Хотя в одном ты всё-таки ошиблась, ма, — проговорил он, тыкая вилкой в горячую яичницу.

— И в чём же?

— А в том, — он на миг выпустил из рук нож и поднял указательный палец вверх, — что мой аппетит невозможно испортить ничем!

Посмотрев на рожицу, которую ей скорчил сын, Софья Марковна весело рассмеялась. Потом вытерла выступившие от смеха слёзы и сказала:

— Тут ты, пожалуй, прав! А я дала маху.

Аркадий Селиванов, вызванный следователем на утро сегодняшнего дня, явился в отделение в сопровождении оперативника.

Радости от знакомства с Наполеоновым он явно не испытывал. На сообщение о смерти приёмной матери отреагировал как-то уж слишком спокойно. Ни тебе удивления, ни заламывания рук, ни даже намёка на потрясение и скорбь. Впрочем, сказал же Муромцев, что приёмная мать и сын не ладили. Но в то же время он жил на её средства...

«Что ж, теперь он получит наследство и будет жить припеваючи», — подумал следователь, разглядывая Селиванова.

— Садитесь, — проговорил Наполеонов, по-прежнему не сводя глаз с набычившегося и застывшего возле двери Аркадия.

— Вы позвали меня только для того, чтобы сообщить о смерти мачехи? — ещё больше нахмурился Селиванов. — Чего же столько тянули?

— Не только, — отозвался следователь, — вы садитесь, Аркадий Павлович, разговор у нас будет долгий.

Про себя Наполеонов отметил, что Селиванов назвал убитую не приёмной матерью, а именно мачехой. С чего бы это?

— О чём нам с вами говорить? — огрызнулся тем временем Селиванов.

— Два интеллигентных человека всегда найдут подходящую тему для разговора, — проговорил следователь, усаживаясь за стол.

Селиванов презрительно фыркнул.

Наполеонов проигнорировал скепсис подозреваемого. Да, именно подозреваемого — так он решил для себя и продолжил:

— Вы, я вижу, не слишком шокированы смертью Ирины Максимовны?

— С чего бы это я должен шокироваться, — хмыкнул Аркадий. — Она долго болела, и можно было ожидать чего-то подобного.

— Ваша мать уже почти оправилась от последствий аварии.

— Мать, — сердито передразнил его Селиванов, но под прессом неодобрительного взгляда следователя взял себя в руки и проговорил: — Вот именно почти. Она была немолода. Больное сердце и всё такое.

— Не думаю, что сорокадевятилетнюю женщину можно назвать старой. И умерла она вовсе не от болезни.

— А отчего же она ещё могла умереть? — впервые нотки недоумения прозвучали в голосе Селиванова.

— Её нашли в ванной с перерезанными венами. — Наполеонов не сводил взгляда с лица Селиванова, но на нём не отразилось ничего.

— Значит, она устала и покончила с собой, — пробурчал Аркадий.

— А перед этим выпила упаковку снотворного.

— Ну, чтобы не так страшно было покидать этот свет, — улыбнулся сыночек.

— Понятно. Но перед тем как перерезать себе вены, ваша мать утонула.

— Что вы такое несёте? — возмутился Аркадий. На его лице появилось выражение недоумения и раздражения, слитые воедино. Он, кажется, действительно не понимал и оттого злился.

Следователь проигнорировал его вопрос и задал свой:

— Где вы были позавчера вечером с 23 до часу ночи?

— Вы что же, думаете, что я свою мачеху утопил и зарезал? — довольно искренне изумился Селиванов.

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнил следователь.

— Дома я был, — буркнул Селиванов.

— Один?

— Почему один?! С Милкой.

— Кто такая Милка?

— Моя подружка. Мы вместе живём.

— И она может это подтвердить?

— Куда же она денется?! — усмехнулся Селиванов.

— Имя, отчество, фамилия вашей Милки?

— Людмила Анатольевна Горбункова.